

Т.П. Буслакова

Цикл «Кармен» (1914)

Цикл составили десять стихотворений, написанных в марте 1914 года и обращенных к Л.А.Д. — Любви Александровне Андреевой-Дельмас, оперной певице. Впервые Блок увидел ее в роли Кармен в октябре 1913 года в петербургском Театре музыкальной драмы, тогда же был написан набросок к первому стихотворению цикла «Как океан меняет цвет...». Большинство вошедших в цикл стихов написаны до знакомства с Дельмас (28 марта) и отражают впечатление поэта от спектаклей и случайных встреч с ней.

В этих стихотворениях образ возлюбленной сливается с героиней книги, которую держит в руках лирический герой:

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!

Но вместе с героем новеллы П. Мериме и лирический герой Блока

... забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь...

Впечатление подобно молнии («Вдруг полыхнет мигнувший свет...»), оно смутило сердце и душу, но еще и пробудило воспоминания о «днях весны», о тех, в «лик» которых сквозь «лазурь» сквозила «ночная тьма»:

Но, как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей — червонно-красным,
И голос — рокотом забытых бурь.

(«Есть демон утра. Дымно-светел он...»)

Образ-реминисценция, образ-воспоминание дополняется и впечатлениями от «странных встреч», и увиденным из окна поэта. Дельмас жила по соседству с Блоком, и в стихотворение «На небе празелень, и месяца осколок...» вошло виденное им в реальности:

В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...

Появлению героини предшествует ее голос, музыка — «бушующие созвучия» Бизе, слова из русского либретто оперы, вошедшие в текст стихотворений. Все это не только вызывает «слезы счастья», но и навеивает «творческие сны»:

Когда же бубен зазвучит
И глухо зазвонят запястья, —
Он вспоминает дни весны,
Он среди бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.

(«Среди поклонников Кармен...»)

В стихотворении «Сердитый взор бесцветных глаз...» передано впечатление от случайной встречи в театре. Героиня появляется на фоне темноты и «немой жуткости» ожидания. Ее черты обрисованы с обилием многоточий, выражающих задыхающуюся интонацию влюбленного волнения:

И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...

...

Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движеньях гордой головы
Прямые признаки досады...

О, не глядеть, молчать — нет мочи,
Сказать — не надо и нельзя...

Сочетание контрастных черт в героине («бесцветные глаза», «бледное лицо», «ряд жемчужный // Зубов» и «нагрудник черный»; «гордый вызов», «сердитый взор», «гордая голова», досада, «и злость, и ревность» — и «нежные плечи», нервность, «почти пугающая чуткость») не превращается в антитезу. Она «звезда среди ночи», в ее чертах «таянье и пенье», они «скользят», покрываются «мокрым снегом» марта. Ее «образ, дорогой навек», пронизан музыкой, в ней «песня», несущая гибель и воплощающая жизнь.

Последние четыре стихотворения цикла написаны после знакомства поэта с Дельмас. Героиня книги и оперы сошла со сцены, превратилась в земную женщину. В стихах появились детали реальных встреч (в стихотворении «Вербы — это весенняя таль...» расшифровывается смысл трех сувениров, которые поэт в действительности хранил на память встреч с Дельмас, — «вербы», «колос ячменный», «розы»). Но «все равно» «за бурей жизни» слышен отзвук музыки иного края:

Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе — лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

(«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь»)

Кто же героиня «сна», чей «неотступный лик» просвечивает «сквозь бездну дней пустых»? У нее не только «дивный голос», «хищная сила рук прекрасных», «огневой» стан, но «голова, утопающая в розах», она погружена в «сказочный сон», «недоступную» мечту о рае, «синей» стране. «Страсти» лирического героя «напрасны», «бубен весны» зовет, как колокол, к «требе» (богослужению) в ее честь, пробуждает «восторг», «страх», стремление растворить «бурную волну» чувств «в реке... стихов»:

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам! Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

(«О, да любовь вольна, как птица...»)

В пении Кармен лирическому герою слышен «отзвук забытого гимна». В его «черной и дикой судьбе» сверкнула «на миг» «надежда сладкая» на воплощение в земном образе «души вселенской». У «царицы блаженных времен» появилось новое имя:

Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.
Вот почему я — твой поклонник и поэт!
Здесь — страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную — постичь ее нет сил.
Там — дикий сплав миров, где часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.
Вот — мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале!..

(«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...»)

Лирический герой цикла автобиографически близок поэту. Его «творческие сны» одушевлены не только художественными впечатлениями и вспыхнувшей «бурей цыганских страстей», но и «думами и грезами» об идеале женщины и любви, о мировой гармо-

нии. «Кармен» — новое земное имя «Прекрасной Дамы», любовь к ней — «гроза», «буря», но и «тишина бездыханна», в ней одной — гармония, «сплав миров»:

Все музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...

(«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...»)

Возлюбленная — молния, высветившая в душе героя «строгую» мысль о гармонии и идеале, но она комета, летящая, «не ведая орбит» («Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!»). От ее «огня» возгорается поэтический костер, но в стихах она превращается в «отзвук», сон, символ любви:

Ты, как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон...

Композиционно цикл построен по единому замыслу, независимо от хронологии написания стихов. После первого стихотворения, выполняющего роль увертюры, звучит основная мелодия, сначала едва слышно, «сонно», «нежно», «чуть дыша», затем все громче, превращаясь в пятом стихотворении в «бушующие созвучия», а в шестом — в «крик». «Перламутра переливы» чередуются в ней с ударами («метнула взгляд»), поет «голос», звучит «бубен», звенят «запястья», слышна «музыка тайных измен», «отзвук забытого гимна». Наконец, «ночная» музыка («ночь» упоминается в разном контексте в 3–9-м стихотворениях, определяя настроение, «день беззакатный и жгучий» только «снится») затихает, наступает «час» подведения итогов, ответа на вопросы («вот почему...», «вот чьи...»). Десятое, заключительное стихотворение начинается с ключевого слова: «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...»

Это «нет» является ответом на многочисленные «да» предыдущего стихотворения («Да, все равно, — я твой!»; «Да, я томлюсь надеждой сладкой...»). Иллюзии «ночи» рассеиваются, «здесь» и «там» превращаются в антитезу. И все же последний аккорд снимает ее: «Но я люблю тебя: я сам такой, Кармен».

То, что на смысловом уровне «постичь... нет сил», утверждается как художественная правда.

Переменам в выражаемых настроениях соответствует разнообразие размеров: четырехстопный, пятистопный, шестистопный, разностопный ямб, трехстопный анапест, дольник. Обрамляет цикл шестистопный ямб (второе и десятое стихотворение).

К Л.А. Дельмас обращен и ряд других стихотворений 1914–1916, 1920-х годов, ее черты отражены в образе героини поэмы «Соловьиный сад», ей посвящена драма «Роза и крест».